

«Александр, я прошу тебя разрушить Лампсак и стереть его с лица земли». И таким образом город был спасен.

73

Епископ Трирский приехал со свитой на рейхстаг во Франкфурт, и попался ему на глаза бедняк в драных лохмотьях, а было в тот день очень холодно, и епископ сказал несчастному: «И мне-то сегодня холодно, а уж тебе-то, бедняге, каково?» – «А разве сегодня холодно?» – откликнулся бедняк. Он вытащил руку из-за пазухи и помахал ею, как бы определяя погоду. Наконец промолвил: «Да, пожалуй, несколько прохладно, но мне не зябко». И добавил: «А если ваша светлость соизволят вручить мне гульден, то я научу вас, как поступить, чтобы мерзнуть ничуть не больше моего». Епископ дал ему гульден. Бедняк объяснил: «Видите ли, ваша светлость, мерзнут только те, кто жадничает надевать на себя всю свою одежду сразу. Наденьте на себя все, что есть у вас, и вам тоже станет жарко». – «Да если я надену на себя все, что у меня есть, – сказал епископ, – никакой конь меня не поднимет. Но гульден ты заработал честно».

74

Епископу Трирскому захотелось расспросить этого смышленного малого и узнать, кто он по роду занятий. «Я оптик, ваша светлость, – ответил тот, – сиречь изготовитель очков, усиливающих зрение, и я странствовал во многих землях, был в Брабанте, в Нидерландах, в Саксонии и в Гессене, но нигде не смог найти себе работу, никто мне ничего не заказывал. Наше ремесло никого не интересует. И вышло так, что я проел и потратил все, что у меня было». – «Вот уж никогда не подумал бы, – сказал епископ, – что на такое ремесло нет спросу. По-моему, это доброе ремесло и нужное людям. Тем более что зрение у многих портится, и портится все быстрее». – «А дело все в том, – откликнулся его собеседник, – что очки никому не нужны. Старые священники и дряхлые монахи в монастырях не молятся вовсе или же читают те молитвы, что помнят наизусть, и очки им поэтому ни к чему, а вы, сильные мира сего, привыкли на все смотреть сквозь пальцы, – потому-то наше ремесло и сходит на нет». Епископ рассмеялся и сказал: «Ты, видать, изрядная шельма. Пока я не уеду из Франкфурта, милости прошу есть и пить у меня за столом». Мастеровой принял щедрое приглашение, чем немало порадовал господина.

75

Прогуливались как-то два волка, и попалась им на глаза овца, лизавшая ягненка в шею. Один из волков заметил: «Если б мы, волки, начали лизать ягнят подобным образом, мужикам это пришлось бы не по нутру». – «Все дело в нашей дурной репутации, – ответил второй, – не сами ли мы виноваты, что они нам не доверяют?»

76

В Страсбурге издали декрет, обязывающий цирюльника брать с крестьян за стрижку бороды не более одного страсбургского пфеннига. И вот пришел мужик к брадобрею и говорит: «Слушай, сколько стоит постричь бороду?» Цирюльник говорит: «Ровно пфенниг». – «А за полпфеннига не пострижешь?» – «Постригу». Сел мужик в кресло, а цирюльник состриг ему пол бороды, убрал полотенце и говорит: «Вот, это я тебя постриг на полпфеннига». Мужик говорит: «Как же так, слева ты бороду убрал, а справа нет». – «А за «справа» надо заплатить еще полпфеннига». Так и набежал за стрижку бороды целый пфенниг.

77

Дружили двое школяров, ходили они по дворам, пели за малую мзду и складывали добычу в совершенно одинаковые мешки. Но к вечеру мешок у одного всегда был полон, а у другого пуст. И спросил невезучий: «Как же так получается, что тебе все подают, а мне никто?» И товарищ ответил: «Потому что ты все время заришься на хорошие куски да на целые караваи, а я ни горбушкой, ни корочкой не брезгую, поэтому у меня мешок полон, а у тебя пуст». И таковы же многие ученые люди и любознательные студенты: они извлекают из проповедей и поучений только самый высокий смысл, да и школяры в школе пренебрегают малым, а потому никогда ничему не научатся; да и как научишься летать, если тебе лень обрасти перьями?

78

Некий доктор рассказывает нижеследующую занятную историю, приключившуюся с ним в брабантском Брюсселе. Явилась к нему однажды неожиданно-негаданно красивая девица и, плача и стенося, поведала: «Сударь мой, мне очень плохо, и я прошу у вас совета о том, как мне поступить. Один священник полез ко мне с поцелуями, и я ударила его по лицу – да так, что и нос и губы расквасила. А теперь все священники, да и миряне тоже, в один голос твердят мне, что я должна